

Виталий Амурский

Пространства и ориентиры А. Гинзбурга в годы изгнания

Есть такое понятие – шестидесятник, уже вошедшее в язык, в литературу.

Для меня самым ярким представителем шестидесятничества был и остается Алик Гинзбург. Никогда не называл его Александром, тем более Александром Ильичом: когда мы познакомились, подружились в конце 50-х годов, и ему, и мне было по 23 года. Мы ровесники. Он родился 21 ноября 1936 года, я на две недели позднее.

Это сегодня об Алике говорят, цитируя его шутку, – «зек в третьем поколении». Тогда еще он не был «зеком», работал в «Московском комсомольце», дружил с андерграундными поэтами и художниками, расстался с профессией актера, но любил театр... И вообще, его квартира в Москве, всегда радушно всех принимавшая мама Людмила Ильинична, были центром, средоточием жизни литературной богемы...

Отец Алика Сергей Чижов, архитектор, был арестован в 1936 году. Умер в застенках, не увидев сына. Дед Алика – археолог Чижов – погиб в 1918 году, став одной из первых жертв «красного террора». Алику было в кого пойти. Но это был мягкий, интеллигентный, смешливый, отнюдь не героический человек. Но острое чувство справедливости может сделать интеллигента – борцом.

В доме Алика Валя и я познакомились с Наташей Горбаневской, видели Олега Целкова, слушали Александра Марченко. Это Алик возил меня в Лионозово к Кропивницким и Рабину, водил слушать Булата Окуджаву.

Простая идея пришла ему в голову – выпускать неподцензурный журнал поэзии. В каждый номер – стихи десяти поэтов, тех, кого не печатают. Алик выпустил три номера журнала «Синтаксис», дал путевку в жизнь 30 поэтам. Я держал журналы в руках, два из них привез в Одес-

су. Там были стихи Бродского и Ахмадулиной, Сапгира и Холина, Окуджавы и Глазкова... Хороший вкус был у Гинзбурга и предвиденье.

Правда, и у КГБ был нюх, а не вкус. Уже готовился четвертый номер «Синтаксиса», когда пришли с обыском. Вывезли, как рассказывал мне Алик, полгрузовика стихов. И получил Гинзбург первый срок – два года во «Вятлаге». А когда вышел, поступил в историко-архивный институт. И стал документировать преступления режима. По делу Андрея Синявского и Юлия Даниэля составил «Белую книгу». Теперь уже – пять лет в мордовских лагерях. В третий раз его посадили как члена Хельсинкской группы, распорядителя фонда Солженицына...

Очень много дал мне Алик Гинзбург для осознания самого себя. Могу гордиться, что я познакомил его с Ирой Жолковской, ставшей его верной спутницей, помощницей, женой – Ариной Гинзбург.

Умер Алик в Париже в 2002 году. Сердце. Сегодня о нем есть замечательная 800-страничная книга Владимира Орлова «Алик Гинзбург. Русский роман», вышедшая в 2017 году, есть документальные фильмы. Очень обрадовался, когда узнал, что у нашего постоянного парижского автора Виталия Амурского есть для нас текст об Алике Гинзбурге, и с удовольствием предлагаю его читателям.

Евгений Голубовский

Александр Ильич Гинзбург (1936-2002) для меня, как и для тех, кто знал его близко, дружил с ним, – а таких людей ему всегда доставало и на родине, и в эмиграции, – был просто Алик Гинзбург... Так он, кстати, представлялся сам, так предлагал обращаться к нему. Познакомились мы в Париже во второй половине 80-х. Сейчас не помню точно, где именно и при каких обстоятельствах, – возможно, в редакции ныне не существующей газеты «Русская мысль», где я изредка публиковался и под псевдонимами, и под собственной фамилией, и одним из ведущих сотрудников которой он тогда стал. Невысокий, худощавый, с копной седых волос, со стреляющим лукавством взглядом, он выглядел значительно старше своего возраста. Но зная о том, какие испытания выпали ему на родине, сколько он сделал для того, чтобы там не угас появившийся после смерти Сталина огонек надежды

на свободу и демократию (я извиняюсь за столь высокий тон, но в данном случае не чувствую неловкости, ибо это было так), удивляться этому не приходилось.

Больше всего при нашей первой встрече я, помнится, оказался поражен его простотой, тем, как он, не зная меня, сразу же заговорил, словно мы просто давно не видели друг друга. В этой простоте не было панибратства, искусственной вежливости, которую подчас проявляют известные, влиятельные персоны по отношению к остальным. Знакомство – как я его ощутил, во всяком случае, – оказалось равно встрече земляков, разными путями оказавшихся в новой стране, в новом мире, где такие слова, как Маяковка, Тишинка или Полянка, являлись не столько московскими топонимами, сколько знаками общей любви и духовной насыщенности, обретенной там.

Да, в Париже Алик Гинзбург появился в ореоле известности, которую обрел в СССР и как редактор одного из первых в самиздате литературных журналов «Синтаксис», – хотя при его непосредственном участии в 1959-1960 годах удалось издать всего три номера (кстати, во втором были опубликованы стихи Иосифа Бродского); и как автор документальной «Белой книги» о процессе Синявского и Даниэля 1965-66 годов; и как правозащитник, член московской Хельсинкской группы, которого властям не удалось сломать многочисленными преследованиями и тюремно-лагерными судебными приговорами, – вырваться же из их дьявольской системы удалось лишь благодаря тому, что в руководстве США проявили знак доброй воли: в 1979 году в обмен на него и еще четырех советских узников (Эдуарда Кузнецова, Марка Дымшица, Георгия Винса, Валентина Мороза) американцы освободили из своей тюрьмы советских шпионов Рудольфа Черняева и Вальдика Энгера. Холодная война была в разгаре, и об этом обмене, как до того, в 1976 году, об обмене Владимира Буковского на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана, писали во всех западных газетах – в СССР такую информацию получали, в первую очередь, слушатели радио «Свобода» и других западных радиостанций.

Позднее сам Алик не только писал о разных событиях на родине, которые замалчивались режимом, но и выступал у разных

микрофонов, делясь со слушателями той информацией, которую по собственным каналам получал из-за железного занавеса. Не помню ни одного случая, когда бы он отказал в подобных просьбах мне как сотруднику русской редакции Международного французского радио (RFI), – все, что он говорил, было при этом безукоризненно точно по фактам, сдержанно и корректно в части комментариев. Очень интересно, помнится, рассказывал о том, как осенью 1994 года во время командировки в Москву он был приглашен в КГБ, чтобы... забрать конфискованный у него еще в 1960 году машинописный экземпляр второго тома пастернаковского «Доктора Живаго», и как отказался он забрать его (хотя и чрезвычайно дорожил этим экземпляром, в свое время полученным лично от автора), потому что счел: архив гэбэшников окажется более надежным хранилищем столь ценного экземпляра, чем шкаф дома... Публикация моя об этом эпизоде под заголовком «Возвращение «Доктора Живаго» появилась в нью-йоркской газете «Новое русское слово» 4 ноября 1994 года. К теме этой беседы, несколько расширив ее рамки, замечу попутно, мы вернулись еще раз в следующем году – материал назывался: «Мне хочется, чтобы вокруг нас было некое поле правды...» (НРС, 27 сентября 1995). Да, несомненно, для Алика было важно ощущать всегда именно некое поле правды. Поле порядочности. И со стороны людей, и со стороны государства. Хотя, разумеется, идеалистом его считать отнюдь не следовало бы.

Тюрьмы, лагеря, гэбэшная возня, которую он знал не понаслышке, не лишили его данного ему, видимо, с рождения, особого дара находить даже в темных сторонах жизни что-то доброе; он любил шутить – правда, повторяя подчас одну из своих любимых, запомнившихся поневоле, поговорок: «Не плачь, не бойся, не проси». Лишь один раз мне показалось, что к глазам его подступили слезы – в январе 1997 года, на похоронах Михаила Яковлевича Геллера.

Вспоминая Алика в редакции «Русской мысли», я вижу, прежде всего, узкую комнатуху, стол, заваленный кипами газет, журналов, гранками, – и среди них его, погруженного в какие-то бумаги, но моментально снимающего трубку вдруг зазвонившего рядом телефона или вскидывающего голову: а, это ты, привет!.. В отличие, скажем, от Наташи Горбаневской, от которой словно

исходило электричество, когда она была занята, Алик сохранял прямо-таки олимпийское спокойствие, мягкость, доброту и как бы извинялся за то, что в этот момент не может уделить тебе время. Работал же он, впрочем, не глядя на часы. Работал и в редакции, и дома, где помимо часто звонящего телефона были постоянно включены два телевизора с трансляциями из СССР. Не из того, конечно, где все закрыто за прочными замками, а из СССР, где началась перестройка...

При всем том он умел чудесным образом совмещать невероятное количество дел с посещением художественных выставок, литературных встреч, концертов, которых в «русском Париже» во второй половине 80-х годов было немало. Встречал я его, к примеру, и на вернисажах у Оскара Рабина и Олега Целкова, и на спектакле «Женитьба», в котором играл Лев Круглый, и в клубе «Симпозион» у Леши Хвостенко, и в мастерских Виталия Стацинского, Николая Дронникова, и на выступлениях приезжавших из Москвы Генриха Сапгира, Айги, Булата Окуджавы (да и не только на выступлениях, но во время других встреч)¹. Некоторые творческие встречи Алик инициировал сам. Именно с его подачи вне официальных программ и мы с женой как-то принимали у себя, увы, в не слишком большой квартире в парижском пригороде Кретей приезжавших в конце 80-х годов во Францию со своими песнями Веронику Долину, Сергея и Татьяну Никитиных, Олега Митяева и Константина Тарасова... Кстати, через несколько лет Алик спросил меня о том, нельзя ли организовать у нас еще одно выступление Никитиных, на что я вынужден был дать отрицательный ответ – в то время мы жили уже в другом месте, в более стесненных условиях. Нашел ли он кого-либо для этого – не знаю. Пишу об этом сейчас лишь для того, чтобы отметить очень доброе отношение Алика к этим исполнителям.

Для некоторых, кто не жил в Париже в 80-е годы (а это был в какой-то мере наиболее насыщенный событиями период «третьей волны» эмиграции), русская жизнь в столице Франции представляется неким ярким полотном. Это так, здесь жили и работали, сюда приезжали известные люди – писатели, художники, барды... Однако именно наличие крупных фигур являлось причиной и раздробленности. Полного единства (плохо или хорошо

В редакции парижской газеты «Русская мысль», ноябрь 1994 года. Стоят: Алик Гинзбург, Булат Окуджава и Арина Гинзбург. В первом ряду: Виталий Амурский и Ольга Арцимович (жена Булата)

это – другое дело) не было. Круг Андрея Донатовича Синявского и Марии Васильевны Розановой – это была одна «вселенная», круг Владимира Емельяновича Максимова – другая; художники тоже не всегда ладили между собой... Были фигуры и весьма самостоятельные, хотя порою получали поддержку то в одном, то в другом «лагере»: Виктор Платонович Некрасов, Дмитрий Михайлович Панин... Сказать о том, кому был ближе всех Гинзбург, – значило бы ошибиться. Он был в равных, или, может быть, правильнее сказать, в равных и ровных отношениях со всеми «большими величинами» – не только потому, что сам являлся «величиной», но потому, что даже при наличии разногласий с тем или иным земляком умел сохранить не только корректность в отношениях, но и необходимую в каждом отдельном случае дистанцию.

Я любил и уважал его таким, каким он был.

Поток этих отрывочных, не укладывающихся в некое русло воспоминаний налетел на меня не просто так. Поводом тому послужила вышедшая в Москве в 2017 году в издательстве «Русский Путь» большая книга «Александр Гинзбург: русский роман» – книга, составленная из материалов семейного архива, фрагментов мемуаров, дневников, официальных документов и различных публикаций в советской прессе об этой замечательной и, вне сомнения, одной из ключевых фигур диссидентского движения в СССР. Составителем этого поистине огромного, но главное – захватывающего обилием интереснейших моментов (не только в биографии Гинзбурга, но и в истории страны) труда явился московский исследователь Владимир Орлов. Однако почти весь корпус книги его оказался посвящен тому времени, когда Алик находился на родине; тому, как сложилась его жизнь в эмиграции, отведено лишь несколько страничек «Эпилога». И вдруг – вот уж, право, странное стечение обстоятельств! – именно в то время, когда я погрузился в страницы, собранные Орловым, мой добрый парижский знакомый, историк русской эмиграции Андрей Корляков сообщил, что обнаружил в своем архиве видеозапись моей беседы с Гинзбургом, датированную 17 декабря 1998 года. Вспомнилось: именно по просьбе Андрея перед камерой, приехав домой к Алику (тогда только что вернувшемуся из больницы, где он находился с тяжелой болезнью), я задал ему ряд вопросов, касающихся именно его жизни в эмиграции. И вот вдруг эта старая запись вынырнула из глубины лет!

Получив от Андрея звуковую ее часть, я испытал, прежде всего, огромную радость услышать знакомый голос, но мне также подумалось о том, что распечатка записи может представлять интерес для тех, кто хотел бы познакомиться с биографией Гинзбурга вне родины (свою работу В. Орлов, к счастью, продолжает!), но и со все дальше и дальше уходящей в прошлое реальной историей последней русской эмиграции (ибо говорить о приехавших во Францию и другие страны людях из постсоветской страны как об эмигрантах, конечно, нельзя, или можно лишь об исключениях). Главную же ценность сохраненной А. Корляковым записи я увидел в том, что о себе, о своем опыте в эмиграции Алик Гинзбург, не оставивший по-

сле себя мемуаров, рассказывает сам. Сам проводит основную канву собственной жизни.

Как обычно, перевод живой речи на бумагу потребовал некоторых сокращений, легкой правки, а также больше пояснений, чем к этим своим страничкам (ибо об упоминаемых мною некоторых фигурах достаточно известно и без этого). Но самая главная работа при этом все же отведена комментариям, без которых читателю, мало знакомому с названиями, именами и местами, которые упоминаются моим собеседником, будет трудно разобраться.

* * *

– Мне хотелось бы начать наш разговор с более-менее широкого вопроса: духовный опыт эмиграции... Что дала тебе жизнь в изгнании: принесла больше добра или зла, открыла глаза как-то по-новому на мир, на себя?

– На себя – едва ли. На людей – едва ли. На мир – безусловно. Просто первые пять лет эмиграции для меня были годами сплошных путешествий. Когда мы стали считать, то получилось, что в самолете или, скажем, в машине по дороге в аэропорт и обратно я провел больше, чем где бы то ни было. Такая у меня была работа. Я был международным представителем американских и одновременно французского профсоюза Форс Увриер.² После чего я несколько уgomонился с путешествиями, хотя, в принципе, ездить не переставал; просто вернулся к нормальной своей профессии – к журналистике. И тут как раз произошло очень забавное: я начал работать в газете, которая первый раз меня напечатала за 13 лет до моей эмиграции.

– О какой газете ты говоришь?

– Я говорю о парижской газете «Русская мысль», которая и потом еще меня неоднократно печатала, на свободе ли я был, в тюрьме ли... В общем, мне удавалось поддерживать с этой газетой какую-то связь, а тут у меня появился «большой блат» (улыбаясь. – В. А.) – моя жена работала заместителем главного редактора. Вот и я начал просто работать, но тоже не без поездок по миру, но, по крайней мере, уже с какой-то возможностью

строить новый дом. Потому что, скажем, когда я приехал на Запад – меня, так сказать, «привезли» в обмен на советских шпионов в 1979 году, – все мое хозяйство составляла пачка фотографий, которые я за свое лагерное время получил из дому; потом, почти через год, приехала семья – их было четверо: мама, жена, двое мальчишек, пяти и семи лет; на четверых у них было три чемодана – один занимали мамины любимые подушки... Поэтому начинать строить дом надо было с самого начала. Я не построил своего собственного дома, так сказать, – я живу в квартире, которую снимаю, но тем не менее у меня есть дом, в котором стоят собранные мною книжки, висят собранные мною картины. У меня вообще есть любовь к собирательству: я вот сейчас начал собирать колокольчики, их у меня уже больше пятисот штук...

– А как получилось, что именно во Франции ты решил остаться, а не в США, в Германии или какой-то другой стране? Почему Париж оказался последней станцией?

– До тех пор, пока не приехала жена,³ я базировался, в основном, на Америку. Меня «меняло», вообще, американское правительство, и бумаги какие-то – не паспорт, но проездные бумаги, – у меня были американские...

– Беженские бумаги?

– У меня не было беженских бумаг, просто потому что я не был беженцем. Вот этого опыта у меня нет. Мне американцы сразу дали так называемую «грин карт» – вид на жительство. А жена прилетела буквально через несколько дней после того, как американцы отменили из-за начала войны в Афганистане прямые рейсы Москва – Нью-Йорк. Поэтому она летела через Париж. Встречал я ее в Париже, и уже на следующий день мы улетели в Нью-Йорк. Но в первый же свой парижский день она получила приглашение на работу от главного редактора «Русской мысли». Это была какая-то первая зацепка. Потом я уже расстарался и устроился на работу в американские профсоюзы АФТ-КПП⁴ в качестве их представителя для связей с Европой, Африкой и Азией. Это было одним из двух их международных бюро – другое было для Латинской Америки. Бюро и место, где я получал зарплату, было в Париже.

– В Африке ты побывал?

– Побывал. Почти во всех странах Африки. Побывал – что это значит? Нужно было, чтобы профсоюзы самых разных стран на ежегодных сессиях Международной организации труда поддерживали всякие американские инициативы, в частности, инициативы американских профсоюзов. Такие переговоры не продолжаются неделями, это, как правило, одно-двухдневный визит, во время которого я был с переводчиком. Кстати, переводчики в Африке у меня почти все были из московского университета Дружбы народов им. Лумумбы, и, должен признаться, мне казалось, что, как говорится, по отношению к коммунизму правее меня только стенка, но в «любви» к коммунизму эти ребята меня очень сильно переплюнули! Вот такая была работа, при которой я практически не бывал дома, хотя и пытался, по крайней мере в первый год,⁵ когда Никита Алексеевич Струве⁶ выделил нам квартиру в Монжероне⁷, в его большом пространстве устроить нечто вроде Русского культурного центра. Но, видимо, для того, чтобы получился центр, нужно, чтобы он и находился в центре. А для Парижа, скажем, расстояние в 17 километров от него очень сильно мешает такому существованию.

– То есть, проще говоря, для парижанина ехать за 17 километров довольно далеко?

– Конечно. Да, люди приезжают. Но гораздо меньше, чем если это где-то в черте города. И поэтому, хотя в эту идею было вложено немало и физических, и интеллектуальных сил, она не получилась.

– Для понимания неуспеха с монжеронским культурным центром, видимо, нужно говорить и о неумной активности каких-то людей, которые хотели занять там больше помещения...

– Думаю, в какой-то мере это касалось еще только двух людей⁸, которые имели прямое отношение к Монжерону. Это касалось Саши Глезера, коллекционера и владельца действительно замечательной коллекции русской нонконформистской живописи, у которого в другом здании в том же Монжероне был музей⁹. Но вот, кстати говоря, его пример – то же самое, что мой пример:

коллекция замечательная, когда на какое-то время она переехала в Париж, была недалеко от Ле-Аль, там всегда был народ. Я имею в виду галерею Мари-Терез¹⁰, хотя по объему, по количеству картин она была гораздо меньше, чем в Монжероне. Хорошо, если в Монжерон приезжало человек пять-шесть. Вполне могли ужиться и с монахами, которые были католиками, а стали православными, и т. д., и которые там использовали еще одно помещение – церковь, на которую мы никак не претендовали... Нет, это все можно было бы! Но невозможно вкладывать душу по-настоящему в то, что нужно нескольким десяткам людей...

– Так или иначе, интересы разных людей могут сталкиваться, расходиться...

– Да это и нужно! Никита Алексеевич Струве, по-моему, вполне успешен со своим семинаром этих монахов, богословов-французов. Просто потому, что когда они собираются все, а их всех не больше десяти, то это уже замечательно. Они – все здесь. А мы, хотим или не хотим, даже если к нам приезжает сто человек, то знаем, что это далеко не все. И волей-неволей пришлось бросить. После этого еще несколько человек пытались что-то там сделать, но мне кажется, что у них получилось не больше, чем у меня. Только у каждого еще более короткое время.

Монжерон продолжался всего год. Весь смысл жизни в Монжероне заключался в том, что вот здесь мы живем и здесь же занимаемся этим самым Культурным центром; а какое у нас есть право там жить, тем более что квартплату с нас брали чисто символическую, – если мы этого не делаем?! Поэтому мы перебрались в Париж. Освободили свое помещение для следующих.

– Это то самое время, когда в Париже было очень много интересных фигур – писателей, художников из тогдашнего Советского Союза... Некрасов, Максимов... Галич сюда навещался (жил потом)...

– Галича я не застал. Он погиб, когда я был в лагере.¹¹

– Из тех людей, которых ты здесь застал, кто больше всех запомнился? Из писателей, скажем?

– Очень забавно!.. Все, кого ты перечислил (кроме Галича), у нас были, и у меня даже сохранились их записи, сделанные американской любительской видеокамерой. Но больше всех мне почему-то пришлось по душе, по какому-то такому настроению, Абдурахман Авторханов¹², который в Париже был гостем. Он приезжал из Германии, и для него был устроен один из вечеров. Все вместе это называлось «Пятницы на Санлиской мельнице».¹³ Действительно, в течение года мы не пропустили почти ни одной «пятницы», а это – почти пятьдесят событий¹⁴, включая литературные, музыкальные вечера, выставки... Там много чего было!

– Говоря об Авторханове: чем именно он запомнился тебе больше всех?

– Видимо, этот человек был создан (притом, что он был уже почти совсем глухой) для живого общения; для третьей эмиграции, по крайней мере, – человек легендарный. Вот это – получилось!

– Авторханов стал легендарным благодаря своей «Технологии власти»...

– Да, это 67-й – 68-й год¹⁵... С того времени уже прошло 12 лет, выходили другие книги... И наконец перед нами появился живой! Он обаял не просто меня¹⁶ – это всегда видно по общему настроению аудитории. Притом, что он что-то недослышивал, говорил громче, чем обычно привыкли мы слышать, орал... Это было страшно интересно!

– Коль скоро речь идет о специалисте по России, по СССР, наверное, в таком случае правомерно вспомнить тоже о Михаиле Яковлевиче Геллере?

– Его в это время у нас не было. По самой простой причине. Аудиторией Геллера в это время были, с одной стороны, – Сорбонна, французские студенты; с другой стороны, его аудиторией были читатели журнала «Культура»¹⁷. В «Русской мысли» он практически не публиковался. Он как-то не входил в сферу, скажем, русской культурной жизни, появился даже позже меня,

а я там появился году в 1985-м... Реально, то есть когда я кончил работать в профсоюзах. Я тогда несколько месяцев поотдыхал, кое-как пришел в себя и начал работать в газете. Это был процесс переустройства этой газеты.

– После Шаховской¹⁸?

– Нет, более пяти лет там уже была Иловайская¹⁹, но для того чтобы понять ситуацию (ситуацию в эмиграции, в частности, а «Русская мысль» изначально была эмигрантской газетой), требовалось какое-то время, и далеко не сразу все делалось. И Ари-нино, и мое, и других людей появление в газете было процессом некоей переориентации в газете. Мы все, с одной стороны, обратили внимание на довольно заметное уменьшение контингента читателей, с другой стороны, на то, что те, на кого мы привыкли ориентироваться, в газете уже стали читать почти исключительно предпоследнюю страничку, то есть некрологи... Та культурная жизнь, в которой они могли принять участие, к этому времени – к началу 80-х годов – была заметно меньше, чем, скажем, лет пятнадцать назад. Ну даже, допустим, существовал бы Монжеронский культурный центр и еще два таких центра, но это – абсолютное ничто в сравнении с теми десятками эмигрантских организаций, которые были созданы и существовали благодаря первой эмиграции. Первая же эмиграция постепенно перемещалась на Сент-Женевьев-де-Буа, а газета, которая теряет читателей, – теряет свой смысл. И тогда, не без труда и не без дискуссий, мы постепенно решили, что мы будем делать газету для не только, так сказать, но и в большей части для людей в Советском Союзе. Когда мы это решили, у нас еще совсем не было, или почти не было, непосредственных сотрудников там. Мы начали пользоваться материалами так называемого архива самиздата, который существовал при радио «Свобода» и издавал свой регулярный бюллетень. Мы что-то оттуда печатали, что-то из других мест, что-то иногда к нам прорывалось непосредственно, но, в общем, это была такая западная газета, ориентированная на население Советского Союза.

Тогда мы гораздо ближе познакомились (с Геллером. – В. А.), он оказался просто идеальным автором для такого рода газеты.

А кроме того, произошло достаточно серьезное событие в самой российской жизни... Говорят, что перестройка началась в 1985 году. Если считать борьбу с алкоголизмом началом перестройки, то с этим можно еще поспорить. Но я обратил внимание на это событие не по словам Горбачева, которого мы видели по телевидению, иногда и читали, – и надо сказать, что он не сильно отличался (возрастом, правда, отличался) от предыдущих властителей... Но вдруг в журнале «Огонек» появилась статья – не помню сейчас, как она называлась, – о пытках советских тюрьмах. Причем не при Сталине, не при Ленине, не при Ягоде, Ежове и так далее, – а сегодня. Вот это уже было таким реальным свидетельством о переменах. И очень вскоре после этого произошло несколько событий. Первое из них – это освобождение Сахарова из горьковской ссылки и почти сразу следом за этим (только надо не забывать, что Сахаров был освобожден через очень короткое время после того, как в Чистопольской тюрьме в результате голодовки умер Анатолий Марченко – человек, который одним из первых рассказал о постсталинских лагерях²⁰) – первое, что Сахаров сказал, когда его торжественно встречали на вокзале в Москве: нужно спасать остальных политзаключенных, – и начался этот процесс освобождения... Это был очень непростой процесс, это был процесс иногда омерзительный...

– То, о чем ты рассказываешь, происходило все-таки в Советском Союзе, а не здесь, в эмиграции, но ты рассказываешь об этом так, будто в эти самые времена находился там. Видимо, все остальное, что тебя окружало здесь, отошло куда-то на задний план?

– Можно сказать и так.

– Интересно было бы понять твой внутренний мир. Рвался ли ты туда, или тебе было важнее оставаться, и ты себя лучше чувствовал здесь?

– Сказать, что рвался туда жить, я не могу, потому что единственное, чего я за свою жизнь не сделал, как мне кажется, – я не стал богатым. На самом деле мне в России всю жизнь надо было бы начинать с самого начала, а что это такое –

эмигранты еще помнят. Хорошо, если ты сумел хотя бы накопить деньги на квартиру. С другой стороны, я очень рвался туда ездить, и, увы, мне это удалось не первому, а, пожалуй, одному из последних. Для этого уже понадобилось вмешательство (кроме газетных тамошних вмешательств) на уровне министра иностранных дел Козырева²¹, потому что первый раз меня впустили в Россию в феврале 1992 года, когда уже не было Советского Союза. Я успел один отказ получить даже из России. Я был в наичернейшем списке. А дальше, получив единожды разрешение, я получил уже аккредитацию как журналист и начал ездить довольно свободно, практически чуть ли не каждый месяц на неделю.

– Давай вернемся немного назад, к людям, которые здесь жили, многих из которых, к сожалению, нет. Вот, например, Максимов. Какие воспоминания ты сохранил о нем?

– Скажем, мы были в весьма и весьма глубоком разладе, потому что я очень плохо встретил переезд «Континента» в Москву, причем речь тогда шла даже не о Виноградове²², а о людях, к которым я отношусь гораздо хуже. В общем, мы с Максимовым разругались. Но проходит время, и я сейчас о нем вспоминаю все как-то теплее и теплее. Хотя, надо сказать, что ссориться все мы умели, даже нельзя сказать, что не любили. Мы ссорились. Иногда после этого мирились, но сейчас, когда уже, так сказать, помириться не с кем, вспоминается все-таки лучшее, что он сделал. Буквально вчера у нас был большой довольно разговор о недавнем праздновании в Париже юбилея «Всеобщей декларации прав человека». В результате это празднование превратилось фактически в коммунистическое мероприятие, хотя уж, казалось, как это можно сделать?! Непонятно! И я вспомнил опыт Максимова, у нас были такого рода провалы, как у наших друзей сейчас на этом юбилее, но когда состоялась очередная встреча в Вене – «Хельсинкская встреча», так называемый «Хельсинкский саммит», то именно Максимов сумел организовать... Во всяком случае, это – то, что остается в результате. Не в биографии (в биографии много чего остается дурного), а в душе, все-таки, я думаю, что лучшее.

– А если я назову Синявского?

– С Синявским в течение последних пятнадцати лет его жизни мы здоровались, сохраняли внешние знаки благорасположенности, но были в глубоком идейном разладе.

– Из-за?

– Во всяком случае, как сегодняшний, так и завтрашний мир, Россию, русскую культуру мы представляли абсолютно по-разному. Мы абсолютно по-разному относились к явлениям русской жизни. Например, к такому явлению русской жизни, как Солженицын²³...

(К сожалению, на этом месте запись беседы была остановлена. И до-сказывать ее своими словами я не вижу смысла, ибо в таком случае она утратила бы значение документа.)

Париж

Примечания

¹ См., к примеру, публикацию: В. Амурский. Окуджава – Андерсон, шведский дуэт. // Голос надежды. Новое об Окуджаве. Выпуск 9. – М.: Булат, с. 180-181.

² Forçe Ouvrière, один из крупнейших французских профсоюзов.

³ Арина Сергеевна Жолковская-Гинзбург (г. р. 1937) – филолог, правозащитница, журналист.

⁴ АФТ-КПП – Американская федерация труда (Конгресс производственных профсоюзов) / American Federation of Labor – Congress of Industrial Organizations.

⁵ Имеется в виду первый год пребывания во Франции.

⁶ Н.А. Струве (1931-2016) – видный французский славист, литературовед, историк Церкви, издатель, общественный и религиозный деятель, главный редактор журналов «Вестник РСХД» и «Le Messenger Orthodoxe».

⁷ Имеется в виду старинный замок в пригороде Парижа, который в начале XX века был приобретен П.Б. Струве (1870-1944) и отдан им на нужды русских эмигрантов.

⁸ К сожалению, А. Г. не уточнил, кого именно, кроме упоминаемого далее А.Д. Глезера (1934-2016), он имел в виду как «второго». На эту деталь я обратил внимание только теперь, при распечатке записи.

⁹ Этот «Русский музей в изгнании» там более не существует. История же кол-лекции А.Д. Глезера вообще заслуживает отдельного изучения, учитывая, что

вывоз он ее из СССР в 1976 году явно без особых административных трудностей, в то время, когда даже сами художники, пожелавшие эмигрировать, были крайне ограничены в правах на вывоз собственных работ.

¹⁰ Galerie Marie-Thérèse Cochin, Париж. В данном случае нужно уточнить: галерея Мари-Терез (хозяйка была вторая – после Майи Муравник – жена А. Глезера) находилась по адресу: 73 quai de la Tournelle 75005 Paris. Переезд же «Русского музея в изгнании» из Монжерона в центр Парижа, о котором говорит А. Г., состоялся 7 марта 1988 года. Тогда в трех залах другого помещения (также принадлежавшего Мари-Терез, по адресу 49 rue Quincampoix, 75004 Paris) на базе свыше 160 картин, скульптур, акварелей и рисунков из Монжерона был открыт «Музей современного русского искусства» (Le Muséé de l'art contemporain). В самом Монжероне на еще какое-то время осталась лишь часть глезеровской коллекции, в основном графика.

¹¹ А.А. Галич (1918-1974) – поэт, сценарист, писатель, исполнитель собственных песен, эмигрировавший из СССР, трагически погиб в своей парижской квартире 15.12.1977 года (по некоторым версиям – стал жертвой КГБ).

¹² А.Г. Авторханов (1907-1998) – писатель, публицист, один из крупнейших советологов.

¹³ Постройка в Монжероне: Moulin de Senlis.

¹⁴ Арина Сергеевна Гинзбург, вдова А. Г., в телефонном разговоре со мной, состоявшемся уже после того, как я подготовил распечатку беседы, выразила некоторое сомнение относительно такого большого числа организованных там встреч; по ее словам, их было все же меньше...

¹⁵ Первое издание этой книги вышло в 1959 г.; 2-е издание – в 1976 году.

¹⁶ Тут в значении: «не только».

¹⁷ «Kultura» – польский журнал в Париже, основанный в 1947 году Ежи Гедрой-цем, Юзефом Чапским и Густавом Герлинг-Грудзинским. Сыграл важную роль в сохранении свободной мысли и культуры не только Польши, но и других европейских стран, находившихся под контролем коммунистических режимов. Послужил В.Е. Максимову моделью для создания журнала «Континент».

¹⁸ З.А. Шаховская (1906-2001). Русская писательница, мемуаристка. Была первым главным редактором газеты «Русская мысль» (1968-1978).

¹⁹ И.А. Иловайская-Альберти (1924-2000), журналист, общественный деятель. С 1979 г. – гл. редактор «Русской мысли». Член редколлегии журнала «Континент»; в 1987 году организует вещание екуменической радиостанции «Благовест». С 1999 года назначена папой Иоанном-Павлом II аудитором «Европейско-го синода».

²⁰ А.Т. Марченко (1937-1986) – диссидент, правозащитник. А. Г. имеет в виду его книгу «Мои показания», которая вышла впервые на русском языке во Франции, в 1969 году в издательстве La Presse Libre.

²¹ А.В. Козырев (род. 1951). Занимал пост министра иностранных дел РФ с окт. 1990-го по янв. 1996 гг.

²² В Париже журнал выходил с 1974 по 1992 год. Позднее стал выходить в Москве, где место главного редактора В.Е. Максимова (1930-1995) занял И.И. Виноградов (1930-2015).

²³ Касаясь темы отношений А. Г. с А.Д. Снявским (1925-1997), следует не упускать из виду то обстоятельство, что именно А. Г., несмотря на высокий риск для себя, явился составителем опубликованной эмигрантским издательством «Посев» в 1967 г. «Белой книги» по делу А. Снявского и Ю. Даниэля. Что касается отношений А. Г. и А.И. Солженицына, то, вне сомнения, можно считать знаменательным тот факт, что «Русский фонд помощи политзаключенным и их семьям», созданный на основе доходов за издание «Архипелаг ГУЛАГ», автор доверил А. Г. Именно он с 1974 г. явился первым распорядителем этого фонда.

Париж

